

СЕРГЕЙ ГАЛАКТИОНОВ

ТАНАТУМ

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

Сергей Владимирович Галактионов

Танатум: цена бессмертия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73584953

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если смерть – не проклятие, а фундамент мироздания?

В далёком будущем человечество открыло страшную истину: Вселенная держится на конечности всего живого. Каждая смерть выделяет энергию, цементирующую законы физики. Без неё – реальность расплывается, материя теряет форму, время забывает направление.

Инспектор Виктор Серов расследует странную катастрофу и обнаруживает заговор, способный уничтожить галактику. Могущественный безумец нашёл способ вырывать эту энергию из живых, обрекая тысячи на вечную агонию между бытием и небытием – ради собственного божественного восхождения.

Вместе с загадочной женщиной, хранящей столетние тайны, Виктор отправляется в путешествие, которое заставит его переосмыслить всё: цену бессмертия, смысл жертвы и ответ на вечный вопрос – что делает нас людьми?

Книга о том, что конечность – не слабость, а дар. И о том, как далеко способен зайти человек ради тех, кого любит.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ: ЗАКОНЫ, КОТОРЫХ НЕТ В УЧЕБНИКАХ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Галактионов

Танатум: цена бессмертия

«Мы платим за право существовать единственной монетой, которая у нас есть – собой. И в этой плате нет несправедливости, ибо что может быть честнее, чем отдать за бытие само бытие?»

– Профессор Лин, «О природе Субстрата»

ПРОЛОГ

В котором читатель узнаёт о странной природе мироздания и знакомится с главным героем в момент, определивший всю его судьбу

Существует древняя аксиома, известная каждому ребёнку в нашей Федерации: «Вселенная держится на трёх китах – материи, энергии и смерти». Первые два понятны любому школьнику, третье же требует пояснения, которое я, ваш покорный рассказчик, постараюсь дать настолько изящно, насколько позволяет столь мрачный предмет.

Представьте себе, что реальность – это не застывший кристалл, но живая ткань, постоянно колеблющаяся между бытием и небытием. Каждое существо, наделённое сознанием, удерживает в себе бесконечное множество возможностей –

тех путей, что могли бы случиться, но не случились. Мы все – ходячие хранилища неопределённости, квантовые облака, притворяющиеся людьми.

И когда мы умираем – по-настоящему, окончательно, бесповоротно – вся эта накопленная неопределённость схлопывается. Выделяется особая энергия, которую наши учёные именуют «танатумом». Эта энергия цементирует причинность, укрепляет законы физики, не даёт Вселенной расползтись в хаос бесконечных суперпозиций.

Смерть, таким образом, не проклятие и не наказание. Смерть – это служение. Каждый из нас, покидая мир, делает его чуточку прочнее для тех, кто остаётся.

Красивая философия, не правда ли? Особенно когда её излагают с кафедры Центрального Университета, а не проносят над телом того, кого вы любили.

Именно такие мысли проносились в голове Виктора Серова – молодого человека двадцати семи лет, офицера Танатической Службы в звании инспектора, – когда он стоял у края огромной воронки на месте, где ещё сегодня утром располагался жилой комплекс «Аврора».

Воронка дышала. Это было первое, что бросалось в глаза – края её медленно пульсировали, словно рана на теле какого-то гигантского существа. Внизу, в глубине, клубился туман странного оттенка – не серый и не белый, а какой-то неопределённый, будто сам свет забыл, какого он должен быть цвета.

– Инспектор Серов? – раздался голос за спиной.

Виктор обернулся. К нему приближалась женщина средних лет в форме техника-стабилизатора. На её лице застыло выражение, которое он уже научился распознавать безошибочно: смесь ужаса и профессионального любопытства.

– Докладывайте, – коротко бросил он.

– Показания аномальные. Мы зафиксировали выброс танатума, эквивалентный примерно... – она замялась, сверяясь с планшетом, – примерно пятнадцати тысячам смертей.

Виктор моргнул.

– Сколько людей проживало в комплексе?

– Официально – три тысячи двести сорок два человека.

– А неофициально?

Женщина замялась.

– С учётом нелегальных жильцов, работников сервиса, гостей... возможно, четыре тысячи. Максимум – четыре с половиной.

Виктор присвистнул – жест, недостойный офицера его ранга, но вполне простительный в данных обстоятельствах.

– То есть мы имеем выброс энергии, втрое превышающий количество погибших?

– Вчетверо, если быть точной. И ещё кое-что, инспектор... – техник понизила голос. – Структура выброса странная. Обычно танатум выделяется импульсом – резким, чистым. А здесь... здесь словно размазанная волна. Будто люди умирали не мгновенно, а... постепенно. Очень медленно.

– Насколько медленно?

– Судя по показаниям – несколько часов. Возможно, больше. Но это невозможно, инспектор. Здание было уничтожено мгновенно. Мы нашли записи камер наблюдения – за секунду до катастрофы всё было нормально, а потом...

– А потом?

– А потом ничего. Камеры просто перестали существовать.

Виктор подошёл ближе к краю воронки. Туман внизу клубился всё активнее, и ему показалось – только показалось, конечно, – что в его глубине мелькают какие-то силуэты. Не совсем человеческие. Не совсем материальные.

– Запечатайте периметр, – приказал он. – Второй уровень изоляции. И вызовите Наблюдателей.

Техник побледнела.

– Наблюдателей? Инспектор, вы уверены? Они...

– Я знаю, кто они и чем занимаются, – перебил Виктор. – Выполняйте.

Женщина торопливо удалилась, а молодой инспектор остался стоять у края бездны, глядя в пульсирующую пустоту.

Он думал о том, что ровно пять лет назад, в такой же весенний день, стоял у другой воронки – поменьше, скромнее, на окраине провинциального городка Зелёная Гавань. Там тоже был аномальный выброс, хотя и не такой мощный. Там тоже погибли люди.

В том числе его отец.

Именно после того дня Виктор Серов оставил перспективную карьеру в физическом отделе Академии Наук и подал документы в Танатическую Службу. Его научный руководитель, профессор Вейнберг, назвал это решение «эмоциональным безумием» и «предательством чистой науки». Виктор не спорил. Он знал, что профессор прав – и что это не имеет никакого значения.

Некоторые вопросы невозможно изучать из-за письменного стола. Некоторые ответы можно найти только на краю воронки, глядя в пульсирующую тьму.

– Кем бы вы ни были, – тихо произнёс он, обращаясь к туману, – я вас найду.

Туман, разумеется, не ответил. Но Виктору показалось, что пульсация на мгновение стала чуть быстрее – словно нечто в глубине услышало его слова и приняло вызов.

Ветер донёс запах озона и чего-то ещё – сладковатого, тошнотворного. Виктор узнал этот запах. Так пахнет реальность, когда она начинает терять целостность.

Так пахнет распад.

Через три часа Виктор сидел в своём кабинете на двадцать седьмом этаже Центрального Управления Танатической Службы и изучал отчёты. Кабинет был невелик – всего двенадцать квадратных метров, – но располагался в престижном «офицерском» крыле, с окном, выходящим на Парк Памяти.

Парк этот заслуживает отдельного описания. Он занимал почти триста гектаров в самом сердце столицы и представлял собой искусственно созданный ландшафт удивительной красоты: холмы, поросшие серебристым мхом, озёра с водой странного лилового оттенка, деревья, чьи кроны светились мягким голубоватым светом даже в полдень.

Вся эта красота питалась танатумом.

Под парком, на глубине ста метров, располагался один из крупнейших танатических реакторов планеты – громадное сооружение, перерабатывающее энергию смерти в стабилизирующее излучение. Реактор подпитывался из городских крематориев и хосписов, и каждый, кто гулял по тенистым аллеям Парка Памяти, буквально ходил по чужим смертям.

Виктор давно привык к этой мысли. Более того – он считал её утешительной. Приятнее думать, что уход близких не бессмыслен, что их последний дар миру материализуется в этих серебристых травах и светящихся деревьях.

Хотя иногда, тёмными ночами, эта мысль казалась ему чудовищной.

– Разрешите, инспектор?

В дверях стоял Михаил Корнеев – сержант Службы, приписанный к его отделу. Невысокий, коренастый, с обманчиво простоватым лицом, за которым скрывался острый ум и феноменальная память.

– Входи, Миша. Что у тебя?

Корнеев положил на стол папку – старомодную, бумаж-

ную. В эпоху голографических интерфейсов и нейрозаписей бумага использовалась только для документов высшей секретности, которые нельзя было доверять электронным системам.

– Результаты первичного анализа обломков. Точнее, того, что от них осталось.

– И?

– Странности, инспектор. Много странностей.

Виктор открыл папку. Первые несколько страниц содержали стандартные данные: химический состав обломков, спектральный анализ, показания датчиков. Ничего особенного на первый взгляд.

Потом он добрался до раздела «Аномалии» – и брови его поползли вверх.

– Это... это возможно?

– Лаборатория перепроверила трижды, – сказал Корнев. – Результат стабильный.

Виктор перечитал абзац ещё раз. Потом ещё.

Обломки здания демонстрировали признаки экстремального старения. Не разрушения, не термического воздействия, не механического повреждения – именно старения. Бетон, которому было от силы тридцать лет, выглядел так, будто простоял тысячелетия. Металлические конструкции рассыпались в прах при прикосновении. Стекло помутнело и покрылось сетью микротрещин, характерных для материала возрастом в несколько веков.

– Локальное ускорение времени? – предположил Виктор. – Хронопузырь?

– Лаборатория отвергла эту версию. При хронопузыре мы бы видели равномерное старение всех материалов. А здесь... – Корнеев перевернул страницу, – здесь какая-то избирательность. Органические остатки – то, что осталось от людей, – состарились гораздо сильнее, чем неорганика. Некоторые образцы тканей соответствуют возрасту в несколько тысяч лет.

– Тысяч?

– Тысяч. А вот пластиковые элементы отделки практически не пострадали. Словно... – сержант запнулся, подбирая слова, – словно что-то высасывало время избирательно. Из живого – больше, из неживого – меньше.

Виктор откинулся на спинку кресла. За окном медленно темнело, и деревья Парка Памяти начинали светиться ярче – реактор под землёй выходил на вечерний режим работы.

– Миша, ты когда-нибудь слышал о «Протоколе Орфей»? Корнеев нахмурился.

– Смутно. Какой-то древний проект, ещё довоенный? Связанный с...

– С попыткой извлекать танатум из живых существ, не убивая их, – закончил Виктор. – Официально проект был закрыт сто двадцать лет назад как «этически неприемлемый и технически несостоятельный». Все материалы засекречены на уровне «Абсолют».

– Вы думаете, кто-то возродил этот проект?

– Я думаю, – медленно произнёс Виктор, – что кто-то нашёл способ заставить его работать.

В этот момент на его столе ожил коммуникатор. Голографический экран высветил лицо секретаря приёмной.

– Инспектор Серов? К вам посетительница. Говорит, что у неё важная информация по делу «Авроры». Представилась как доктор Элена Вансе из Института Перспективных Исследований.

Виктор и Корнеев переглянулись. Институт Перспективных Исследований – полумифическая организация, о которой в Службе ходили самые невероятные слухи. Одни говорили, что это просто продвинутый научный центр, занимающийся фундаментальными исследованиями танатума. Другие утверждали, что Институт работает над технологиями, которые навсегда изменят отношения человечества со смертью.

А третьи – обычно после третьей рюмки в ведомственном буфете – шёпотом рассказывали, что Институт давно нашёл способ обходить танатический закон, и что где-то в его подземных лабораториях живут существа, которым уже несколько столетий.

– Пусть войдёт, – сказал Виктор.

Дверь открылась, и в кабинет вошла женщина.

Виктор Серов повидал на своём веку немало красивых женщин. Его бывшая невеста Марина, с которой они расста-

лись два года назад, была признанной красавицей – высокая брюнетка с точёными чертами лица и глазами цвета весеннего неба. Секретарша его начальника, Софья Андреевна, даже в свои пятьдесят выглядела ослепительно благодаря дорогостоящим омолаживающим процедурам.

Но женщина, стоявшая сейчас на пороге его кабинета, была не просто красива. Она была... другой.

Ей могло быть двадцать пять. Могло быть сорок. Могло быть сто – при современном уровне регенеративной медицины такое встречалось. Светлые волосы, небрежно собранные в узел на затылке. Глаза удивительного оттенка – не совсем серые, не совсем зелёные, с какими-то золотистыми искрами в глубине. Тонкие черты лица, высокие скулы, чуть припухлые губы.

Но не это поразило Виктора.

Поразила её аура. Или, точнее, отсутствие таковой.

Каждый человек, каждое живое существо окружено слабым танатическим полем – следствием постоянного накопления квантовой неопределённости. Опытные сотрудники Службы учились чувствовать это поле интуитивно, без приборов. По интенсивности поля можно было примерно определить возраст человека, состояние его здоровья, даже уровень стресса.

Поле этой женщины было... неправильным.

Слишком слабым для её видимого возраста. И в то же время – слишком сложным, слишком структурированным.

Словно она каким-то образом научилась управлять тем, что у обычных людей накапливается хаотично.

– Инспектор Серов? – голос у неё оказался низким, чуть хрипловатым, с едва уловимым акцентом. – Благодарю, что согласились меня принять. Меня зовут Елена Вэнс, и у меня есть информация, которая может спасти вам жизнь.

– Мне? – переспросил Виктор, жестом приглашая её сесть. – Не слишком ли драматичное начало для научного консультанта?

Женщина улыбнулась. Улыбка преобразила её лицо, сделала моложе и в то же время – опаснее.

– Драматичное, но точное. Видите ли, инспектор, то, что произошло в комплексе «Аврора» – не катастрофа. Это эксперимент. Первый из многих. И те, кто его проводят, очень не любят свидетелей.

– Откуда вам это известно?

– Потому что двадцать лет назад я работала в проекте, который создал технологию, использованную сегодня утром. – Елена сделала паузу. – И потому что те люди, которые умерли в «Авроре»... они на самом деле не умерли.

Виктор почувствовал, как у него пересохло в горле.

– Объясните.

– Охотно. Но сначала ответьте мне на один вопрос, инспектор. – Елена наклонилась вперёд, и в её глазах сверкнули золотистые искры. – Готовы ли вы узнать правду, даже если она разрушит всё, во что вы верили? Готовы ли вы узнать,

что Вселенная устроена совсем не так, как вас учили?

Виктор Серов посмотрел ей прямо в глаза.

– Доктор Вэнс, – сказал он, – я уже пять лет работаю в Татнической Службе. Вы удивитесь, как мало иллюзий у меня осталось.

Элена рассмеялась – искренне, весело, словно он сказал что-то очень забавное.

– О, инспектор. Поверьте – вы даже не представляете, сколько иллюзий у вас ещё есть.

И она начала рассказывать.

За окном полностью стемнело, и деревья Парка Памяти сияли в ночи, питаясь энергией тех, кто уже никогда не увидит этого света. А в маленьком кабинете на двадцать седьмом этаже молодой инспектор слушал историю, которая изменит его жизнь навсегда.

Но об этом – в следующей главе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ЗАКОНЫ, КОТОРЫХ НЕТ В УЧЕБНИКАХ

В которой доктор Вэнс рассказывает о тайнах мироздания, а инспектор Серов убеждается, что мир гораздо сложнее и страшнее, чем он думал

– Начну с вопроса, который должен был задать каждый здравомыслящий учёный, но который почему-то никто не задаёт, – сказала Елена, удобно устроившись в кресле для посетителей. – Почему танатум работает?

Виктор нахмурился.

– В смысле – почему? Механизм выделения танатической энергии при смерти изучен...

– Описан, – перебила Елена. – Не изучен, а описан. Мы знаем, что происходит. Мы измеряем это, используем, строим на этом цивилизацию. Но кто-нибудь когда-нибудь объяснил – почему? Почему прекращение биологической жизни выделяет энергию, стабилизирующую физические законы? Почему именно смерть, а не, скажем, рождение? Или сон? Или оргазм?

– Квантовое схлопывание, – автоматически ответил Виктор. – Живое существо поддерживает множество суперпозиций, и когда оно умирает...

– Когда оно умирает, эти суперпозиции коллапсируют, да-

да, стандартная модель Фишера-Ямамото. – Елена махнула рукой. – Я знаю эту теорию. Я помогала её формулировать, если вас интересует. Проблема в том, что она неполна.

– Неполна?

– Модель Фишера-Ямамото объясняет, почему смерть выделяет энергию. Она не объясняет, почему эта энергия нужна Вселенной. – Елена подалась вперёд. – Подумайте, инспектор. Вы ведь учились физике?

– Закончил три курса теоретического факультета.

– Тогда вы знаете, что закон сохранения энергии – фундаментален. Энергия не берётся из ниоткуда и не исчезает в никуда. Но танатум нарушает этот закон.

– Это... – Виктор осёкся.

Он хотел сказать «это невозможно», но осёкся, потому что понял – она права. Это было одно из тех противоречий, которые каждый студент замечает на первом курсе, а потом учится не замечать, потому что преподаватели объясняют: «Это слишком сложно, вы поймёте позже».

Танатум выделяется при смерти. Танатум используется для стабилизации реальности. Но откуда берётся энергия, которая превращается в танатум? Из жизни умирающего? Но тогда вечный двигатель невозможен – вы не можете получить больше энергии, чем вложили.

А танатические реакторы работают именно как вечные двигатели. Смерть одного человека даёт энергии больше, чем требовалось на поддержание его жизни. Намного боль-

ше.

– Я вижу, вы начинаете понимать, – удовлетворённо сказала Елена. – Стандартная физика не работает. Танатум – это не просто энергия. Это... – она поискала слово, – ...плата.

– Плата? За что?

– За существование. – Елена встала и подошла к окну. В свете деревьев из Парка Памяти её профиль казался почти нереальным, словно она сама была немного прозрачной. – Видите ли, инспектор, сто пятьдесят лет назад, когда люди только открыли танатум, они задавались теми же вопросами. И некоторые нашли ответы. Ответы, которые оказались настолько пугающими, что их засекретили на высшем уровне.

– И вы знаете эти ответы?

– Я была частью команды, которая их подтвердила экспериментально. – Елена обернулась. – Готовы слушать?

Виктор кивнул. Рядом с ним Корнеев быстро делал пометки в блокноте – тоже бумажном, по привычке.

Элена вздохнула и начала:

– Вселенная не самодостаточна. Это первое, что вы должны понять. Наш мир – не замкнутая система. Он... подключён к чему-то большему.

– К чему? К другому измерению? К параллельной вселенной?

– К источнику. Мы не знаем, что это такое. Мы называем его «Субстратом». – Елена вернулась к своему креслу, но не села – осталась стоять, опираясь на спинку. – Представь-

те себе компьютерную симуляцию. Виртуальный мир, существующий внутри машины. Для персонажей этого мира их реальность кажется полной и самодостаточной. Но на самом деле она существует только потому, что машина потребляет электричество. Без внешнего источника энергии симуляция остановится.

– Вы хотите сказать, что наша Вселенная – симуляция?

– Нет. Аналогия неточна, но принцип похож. Наша Вселенная реальна, но она не самодостаточна. Она подключена к Субстрату – и именно оттуда берётся энергия, которую мы воспринимаем как танатум.

– Но какое отношение это имеет к смерти?

Элена невесело улыбнулась.

– Самое прямое. Видите ли, инспектор, подключение к Субстрату – не бесплатное. Оно требует... как бы это выразить... точек привязки. Моментов абсолютной определённости. Мгновений, когда квантовая неопределённость полностью схлопывается.

– И смерть – это такая точка привязки?

– Смерть – это идеальная точка привязки. Самый абсолютный переход из состояния «существует» в состояние «не существует». Никаких полутонов, никакой неопределённости. Живой – мёртвый. Бинарный код бытия. – Элена щёлкнула пальцами. – Каждая смерть создаёт... якорь, если хотите. И через этот якорь Субстрат вливает в нашу Вселенную стабилизирующую энергию.

Виктор молчал, переваривая услышанное. Его мозг, натренированный на скептицизм, искал логические изъяны – и не находил. Теория безумна, но она объясняла слишком многое.

– Если это правда, – медленно сказал он, – то получается... мы паразитируем на смерти?

– Не паразитируем. Платим. – Елена снова села. – Это контракт, инспектор. Мы получаем право существовать, и платим за это конечностью каждого индивидуума. Без смерти – нет связи с Субстратом. Без связи – Вселенная теряет стабильность.

– Зоны распада, – вставил Корнеев. – Те места, где никто не умирал слишком долго...

– Именно. Вы ведь знаете о колонии Элизиум? Полвека назад там создали «идеальное общество». Победили старение, болезни, несчастные случаи. Смертность упала почти до нуля.

– Я читал об Элизиуме, – сказал Виктор. – Официально – неудачный социальный эксперимент. Колонию эвакуировали из-за «непредвиденных технических проблем».

– «Непредвиденных технических проблем»! – Елена фыркнула. – Это так теперь называется? Когда стены начинают течь? Когда числа теряют точность – два плюс два даёт то три, то пять? Когда свет забывает свою скорость и движется то быстрее, то медленнее?

– Это... правда?

– Я была в составе эвакуационной команды. – Голос Элены стал глуше. – Мне было двадцать шесть лет, я только закончила докторантуру. Молодая идеалистка, верящая в торжество науки и разума. То, что я увидела на Элизиуме... это изменило меня навсегда.

Она замолчала. В кабинете повисла тишина, нарушаемая только тихим гудением системы климат-контроля.

– Расскажите, – попросил Виктор.

Элена медленно кивнула.

– Колония располагалась на Проксиме-IV, в системе Центавра. Восемьдесят тысяч жителей, все – отборные специалисты, прошедшие строжайший генетический контроль. Никаких наследственных болезней, никаких склонностей к депрессии или агрессии. Идеальные люди для идеального мира.

– Идеальные? – переспросил Корнеев скептически.

– По меркам того времени – да. Они верили, что создают рай. Новое человечество, свободное от первородного греха смерти. – Элена покачала головой. – Первые тридцать лет всё шло прекрасно. Ни одной естественной смерти, ни одного несчастного случая, превосходная медицина, высокий уровень жизни.

– А потом?

– А потом начались «странности». Сначала мелкие – нестабильность электроники, ошибки в вычислениях. Потом серьёзнее – материалы теряли прочность в случайных ме-

стах, механизмы ломались без видимых причин. Колонисты списывали это на «адаптационные проблемы» новой технологии.

– Они не связали это с отсутствием смерти?

– Почему они должны были? – Елена развела руками. – До открытия танатума оставалось ещё двадцать лет. Никто не знал о связи между смертью и физической стабильностью. Они просто думали, что им не повезло с оборудованием.

– Когда стало по-настоящему плохо?

– На сорок второй год колонии. – Елена закрыла глаза, словно вспоминая. – Я читала их дневники. Записи очевидцев. Это... это трудно описать.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Началось с геометрии. Прямые линии перестали быть прямыми. Параллельные стены сходились. Углы комнат менялись – утром комната была прямоугольной, вечером – трапециевидной. Люди просыпались и обнаруживали, что их дома изменились за ночь.

– Как это возможно?

– Это невозможно. Именно в этом суть. Законы геометрии перестали действовать. Потом – законы оптики. Цвета начали «плыть». Красный мог стать зелёным, если смотреть достаточно долго. Потом – механика. Предметы падали вверх. Или вбок. Или не падали вообще, зависая в воздухе.

– Звучит как кошмар.

– Это и был кошмар. Но самое страшное – не физические

аномалии. – Елена открыла глаза, и Виктор увидел в них отблеск давнего ужаса. – Самое страшное – то, что начало происходить с людьми.

– Что?

– Они начали... расслаиваться. Физически расслаиваться. Представьте себе человека, который одновременно находится в двух местах. Не двойник, не клон – именно один человек, размазанный в пространстве. Половина тела здесь, половина – в метре правее. И обе половины живые, обе чувствуют, обе думают.

Корнеев побледнел.

– Это... это невозможно.

– Я же сказала – законы перестали работать. Квантовая неопределённость, которая обычно существует только на уровне субатомных частиц, начала проявляться на макроуровне. Люди становились собственными суперпозициями.

– Они умирали?

– В том-то и кошмар – нет. – Елена покачала головой. – Они продолжали жить. Размазанные, расслоённые, существующие одновременно в нескольких состояниях – но живые. Способные думать, чувствовать, страдать.

– Господи.

– Бога там давно никто не вспоминал. Некоторые колонисты пытались покончить с собой – именно чтобы создать танатический якорь, хотя они и не знали этого термина. Интуитивно чувствовали, что смерть может помочь. Но у них не

получалось.

– Почему?

– Потому что к тому моменту физика распалась настолько, что смерть тоже перестала работать. – Елена произнесла это тихо, почти шёпотом. – Представьте себе, инспектор. Представьте мир, где вы не можете умереть, как бы ни старались. Где вы застряли между жизнью и смертью, в вечном полусуществовании, размазанный по пространству и времени.

Виктор почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Не от страха – от осознания масштаба катастрофы.

– Что стало с колонистами?

– Когда прибыла эвакуационная команда, выживших – если можно назвать их выжившими – оставалось около двадцати тысяч. Остальные... мы не знаем, что с ними произошло. Они не умерли, не исчезли. Они просто... перестали быть определёнными. Растворились в вероятностях.

– А двадцать тысяч?

– Их вывезли. – Елена помедлила. – Большинство пришлось... завершить. Принудительно. Это было милосердием – их состояние было несовместимо с человеческим существованием. Некоторые были настолько расслоены, что их сознания распались на десятки фрагментов, и каждый фрагмент страдал отдельно.

– И после этого открыли танатум?

– После этого начали искать объяснение. Связь между

смертью и стабильностью обнаружили случайно – когда заметили, что зоны, где проводились «завершения», становились более стабильными. Дальше – стандартная научная работа. Эксперименты, теории, модели. – Елена пожала плечами. – Через двадцать лет появилась модель Фишера-Ямамото, которая объясняла механизм. Через тридцать – первые танатические реакторы.

– А Субстрат? Когда узнали о нём?

– Позже. Это было следующее поколение исследований. И именно здесь, – Елена посмотрела Виктору прямо в глаза, – начинается история, которая привела меня сюда сегодня.

Она снова встала, словно не могла сидеть, рассказывая о подобных вещах.

– Видите ли, инспектор, обнаружив связь со Субстратом, учёные задались очевидным вопросом: можно ли получать стабилизирующую энергию без смерти? Можно ли подключиться к источнику напрямую, минуя... плату?

– И?

– И начался проект «Орфей».

Виктор вздрогнул.

– Вы упоминали его раньше.

– Да. Официально – исследовательская программа по «альтернативным методам танатической стабилизации». Неофициально – попытка обмануть Вселенную. – Елена невесело усмехнулась. – Мы были молоды и самоуверенны. Мы верили, что достаточно умны, чтобы найти лазейку в за-

конах бытия.

– И нашли?

– Нашли. – Елена кивнула. – О, да. Мы нашли.

Она подошла к окну и долго смотрела на светящиеся деревья парка.

– Проблема смерти как точки привязки – её дискретность. Миг – и всё. Организм переходит из состояния «жив» в состояние «мёртв», выделяется танатум, и дальше – тишина. Никакого продолжения.

– Логично.

– Но что, если растянуть этот миг? Что, если замедлить переход настолько, чтобы он длился не долю секунды, а часы? Дни? Годы?

– Вы... вы научились замедлять смерть?

– Мы научились останавливать её на полпути. – Елена обернулась. – Представьте человека, который находится в процессе умирания, но никогда не завершает его. Вечно зависший между бытием и небытием. Такой человек генерирует танатум постоянно. Не импульсом, а непрерывным потоком.

– Это...

– Это работает. – Елена кивнула. – Один человек в состоянии «полусмерти» генерирует столько танатума, сколько сотня обычных смертей. Непрерывно, без остановки, пока поддерживается состояние.

– Но человек... он в сознании? Он страдает?

– О да. – Голос Элены стал жёстким. – Он в полном сознании. Он чувствует, как умирает – каждую секунду, каждое мгновение. Вечное умирание без смерти. Вечная агония без избавления. – Она помолчала. – Когда мы поняли, что это означает, большинство команды отказалось продолжать. Проект был официально закрыт.

– Официально?

– Официально, – повторила Елена. – Но некоторые материалы исчезли. Некоторые исследователи... тоже.

– И вы думаете, что «Аврора»...

– Я не думаю, инспектор. Я знаю. – Елена достала из сумки небольшое устройство – что-то вроде сканера. – Показания энергии, которые вы зафиксировали на месте катастрофы. Размазанная волна вместо импульса. Танатум, эквивалентный втрое большему числу смертей. Признаки ускоренного старения органики.

– Вы уже видели эти данные?

– Нет. Но я знаю, какими они должны быть, потому что сто двадцать лет назад я видела точно такие же. – Елена положила сканер на стол. – Кто-то возродил проект «Орфей», инспектор. Кто-то создал полусмертных. И кто-то использует их как... как батарейки.

Виктор почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Не от отвращения – от осознания масштабов.

– Три тысячи человек, – тихо сказал он. – Три тысячи человек, вечно умирающих, вечно страдающих...

– Возможно, больше. – Елена покачала головой. – «Аврора» – не первый случай. За последние пять лет я отслеживала похожие инциденты по всей Федерации. Странные исчезновения, необъяснимые вспышки танатума, локальные нарушения физики в местах, где «ничего не произошло».

– Сколько?

– Как минимум одиннадцать случаев. Общее число потенциальных жертв – около пятидесяти тысяч человек.

Пятьдесят тысяч человек, вечно умирающих в агонии где-то в невидимых застенках. Виктор представил себе это – и отогнал образ, потому что иначе не смог бы функционировать.

– Кто за этим стоит?

– Не знаю. Но у меня есть подозрения. – Елена придвинулась ближе. – Те, кто возродил «Орфея», должны иметь доступ к секретным архивам. Они должны обладать ресурсами для строительства установок. Они должны иметь влияние, достаточное для сокрытия пятидесяти тысяч исчезновений.

– Вы говорите о правительстве?

– Я говорю о людях внутри правительства. Возможно, внутри вашей Службы.

Корнеев вскочил.

– Вы обвиняете Танатическую Службу?!

– Я констатирую логические возможности. – Елена не дрогнула. – Танатическая Служба контролирует все потоки танатума в Федерации. Если кто-то создал альтернативный

источник такой мощности, Служба должна была это заметить. Если не заметила – значит, либо некомпетентна, либо замешана.

– Либо источник очень хорошо скрыт, – добавил Виктор.

– Тоже вариант. Именно поэтому я здесь. – Елена посмотрела на него. – Мне нужен человек внутри Службы. Человек, которому я могу доверять. Человек, у которого есть личные причины докопаться до правды.

– Почему именно я?

Элена улыбнулась – невесело, но с какой-то странной теплотой.

– Потому что я изучила ваше досье, инспектор Серов. Ваш отец погиб при странных обстоятельствах пять лет назад. Аномальный выброс танатума, официально – несчастный случай. Но вы не поверили в несчастный случай, правда? Иначе зачем бросать карьеру учёного и идти в Службу?

Виктор сжал кулаки.

– Откуда вы...

– Я же сказала – изучила досье. – Елена встала. – Подумайте над моим предложением, инспектор. У вас есть сутки. Потом те, кто устроил «Аврору», узнают, что вы копаетесь в их делах. И тогда...

– Тогда – что?

– Тогда вы либо станете их жертвой, либо их сообщником. Третьего не дано. – Елена направилась к двери. – Если решите помочь – найдёте меня в Институте. Спросите «Ари-

адну» – меня поймут.

Она уже взялась за ручку двери, когда Виктор окликнул её:

– Доктор Вэнс!

Элена обернулась.

– Вы сказали, что работали над проектом «Орфей» сто двадцать лет назад. И что вам тогда было двадцать шесть.

– Да?

– Это означает, что вам сейчас сто сорок шесть лет. – Виктор внимательно посмотрел на неё. – Вы не выглядите на сто сорок шесть.

Элена улыбнулась – и в этой улыбке было что-то древнее, что-то бесконечно усталое.

– Нет, инспектор. Не выгляжу.

И вышла, оставив его наедине с вопросами.

Следующие несколько часов Виктор провёл в состоянии, которое лучше всего можно описать как «организованная паника».

Корнеев отправился проверять информацию об инцидентах, упомянутых Эленой. Виктор же сидел за своим столом, уставившись в окно, и пытался сложить мозаику.

Его отец, Андрей Серов, был инженером-энергетиком. Работал на небольшой танатической станции в провинциальном городке Зелёная Гавань. Ничего секретного, ничего важного – просто обслуживание реактора, питающего муниципальную инфраструктуру.

Пять лет назад станция взорвалась. Официальная версия – отказ системы охлаждения, приведший к неконтролируемому выбросу танатума. Погибли семнадцать человек, включая Андрея Серова.

Виктор был на опознании. Тело отца... он старался не вспоминать, как оно выглядело. Официальный эксперт объяснил характерные повреждения «термическим воздействием танатического выброса».

Но Виктор помнил – и это воспоминание преследовало его пять лет – что тело выглядело странно. Словно отец умер не от взрыва, а от... старости. Кожа была сморщенной, высушенной. Волосы полностью поседели.

Тогда он не придавал этому значения. Списал на посттравматический шок, на игру воображения.

Теперь – в свете рассказа Элены – всё выглядело иначе. – Ускоренное старение органики, – пробормотал он вслух. – Танатум, эквивалентный большому числу смертей, чем было жертв...

Он лихорадочно зарылся в архивы. Материалы по инциденту в Зелёной Гавани были засекречены, но его допуск позволял получить базовую информацию.

Показатели выброса. Он просмотрел цифры – и почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Танатум, зафиксированный при взрыве, соответствовал пятидесяти двум смертям.

Погибших было семнадцать.

Три к одному. Точно как в «Аворе».

– Господи, – прошептал Виктор. – Отец...

Значит ли это, что Андрей Серов и ещё шестнадцать человек не просто погибли, но были превращены в «полусмертных»? Что где-то – возможно, совсем рядом – они продолжают существовать в вечной агонии, генерируя танатум для неизвестных хозяев?

Или всё это – совпадение? Бред параноика? Провокация загадочной женщины, которой сто сорок шесть лет, но которая выглядит на тридцать?

Виктор встал и заходил по кабинету. За окном небо начало светлеть – он провёл за раздумьями всю ночь.

Нужно было принять решение. Поверить Элене Вэнс и начать расследование, которое, возможно, приведёт его к смерти – или к чему-то худшему. Или проигнорировать её слова, вернуться к рутине, жить дальше, притворяясь, что ничего не изменилось.

Виктор подошёл к окну. Деревья Парка Памяти тускнели по мере того, как восходило солнце – их биолюминесценция была рассчитана на ночное время.

Он думал о своём отце. О человеке, который научил его играть в шахматы и разбираться в звёздных картах. Который никогда не повышал голос, но умел одним взглядом дать понять, что разочарован. Который каждый вечер читал ему перед сном – не сказки, а научную фантастику, потому что верил, что будущее можно не только предсказать, но и постро-

ить.

Если отец жив – если он существует где-то в кошмаре вечного умирания – Виктор обязан его найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.